КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

ЕВРЕИ И ЦЫГАНЫ.

Еврей, попавшій по торговымъ дѣламъ въ Лондонъ, жаловался на непомѣрную дороговизну тамошнюю и сказалъ, между прочимъ, что прохворавъ одну только недѣлю, заплатилъ врачу, цырульнику и аптекарю пятдесятъ червонныхъ. — Такъ скажи слава Богу, что ты заболѣлъ въ Лондонѣ, замѣтилъ другой Еврей: — Въ Варшавѣ ты бы на эти деньги провалялся круглый годъ!

Искусный цырульникъ вырвалъ жиду зубъ и требовалъ за это полтинникъ. — Ой–ой, сказалъ тотъ, собираясь уторговать что–нибудь; — прошлаго года одинъ очень хорошій зубной лекарь вырвалъ мнѣ зубъ, да не такой, чтобы сразу, а таскалъ, таскалъ меня по всей комнатѣ изъ угла въ

уголъ, со стуломъ, совсѣмъ, да ито взялъ съ меня четвертакъ; за что же я дамъ тебѣ полтинникъ, когда твоя работа была совсѣмъ легкая?

Лекарь велѣлъ больному еврею принять лекарства, взятаго для дешевизны въ травяной лавочкѣ, одинъ золотникъ, или вѣсомъ на одинъ червонецъ. На бѣду у жида червонца не случилось, а потому онъ взялъ, по курсу, на одинъ червонецъ серебра и мѣди и по этому отвѣсилъ пріемъ. О послѣдствіяхъ можно догадываться.

На задахъ еврейской бани стоялъ домишко, въ которомъ жилъ пресердитый нѣмецъ, сапожникъ. Онъ не разъ уже выходилъ изъ себя отъ справедливаго негодованія, когда бывало какой–нибудь отчаянно–храбрый жидокъ, въ подражаніе русскимъ крестьянамъ, выскочитъ распарившись изъ бани и для потѣхи начинаетъ валяться по снѣгу, подъ самыми окнами разобиженнаго этимъ сапожника, — человѣка впрочемъ почтеннаго и къ тому еще семейнаго. Ни брань, ни угрозы, ни жалобы не унимали охотниковъ до

холодной бани послѣ горячей, и нѣмецъ, выведенный изъ терпѣнья, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по первому наглецу и безстыднику, который станетъ валяться у него подъ окнами, и въ острастку зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и клюквой. Не уваживъ угрозы, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ соблазнительнаго для сапожника обычая выскочилъ изъ бани и повалился на снѣжокъ. Нѣмецъ схватилъ пистолетъ и, растворивъ форточку, пустилъ въ него весь зарядъ. Жидъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и на вопросы сбѣжавшихся изъ бани земляковъ кричалъ одно, что онъ убитъ, убитъ пулей изъ большого ружья, чуть не изъ пушки, и что пуля засѣла вотъ здѣсь, гдѣ все облито кровью, т. е. клюквой. Въ толпѣ жидовъ тотчасъ же нашелся опытный цырульникъ, который, набѣжавъ сгоряча и спѣша подать помощь, ухватилъ въ кулакъ кожу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была мнимая кровь, натянулъ складку и распоролъ ее бритвой вершка на два, чтобы вынуть пулю.

Изъ всего этого вышла такая суматоха, что до конца вѣка никто не могъ распутать, что тутъ сдѣлалось, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Еврея, который шелъ по крайно нужному, т. е. денежному или торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо итти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту, темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ — вышелъ съ боку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости: «Слушай, сказалъ онъ: — не тронь меня, я тебя не боюсь — видишь, насъ двое: а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да стоцтъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы,

наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому–что стоитъ передъ нимъ самъ–третей: видишь, повторялъ онъ: — ну видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь — видишь, что насъ трехъ? Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься такъ пойди прочь, дай намъ пройти.... Но все это не повело ни кчему; разбойникъ молчалъ упорно, и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ–третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ навремя честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе

свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впослѣдствіи, когда стаивалъ на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

«А что, спросилъ кто–то проѣзжаго еврея–оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ: — а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часового мастера, чтобы умѣлъ воротникъ подцвѣтить? — Есть, отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей–корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего–нибудь съѣстного или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива, сказалъ тотъ: — да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ бѣлое?» — «Есть, отвѣчалъ тотъ проворно: самое лучшее полубѣлое есть»... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно». —

«Есть, есть и бѣлое, самое лучшее», — пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — что, это бѣлое пиво? Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — красное.

У другого проѣзжаго, по западному краю, вышелъ дорогою табакъ, на который онъ былъ также причудливъ, какъ тотъ на пиво, и не курилъ никакого табаку, кромѣ жуковскаго. «Есть, отвѣчалъ факторъ положительно, несмотря ни на какія сомнѣнія проѣзжаго, который зналъ доселѣ по опыту, что въ томъ краѣ, особенно въ маленькихъ городишкахъ, жуковскаго табаку нѣтъ. Но еврей вскорѣ воротился, и принесъ картузъ, который былъ уже распечатанъ и часть обертки заворочена; а между тѣмъ половина герба, сколько то есть было его видно, казалось, принадлежала фабрикѣ Жукова. Знатокъ, истощенный недостаткомъ табаку, поспѣшилъ набить трубку и затянулся сгоряча.... — «Чтль это?» сказалъ онъ и, схвативъ картузъ,

отвернулъ обертку и прочиталъ подпись какого–то Семенова или Степанова. «Что это значитъ», вскричалъ онъ на фактора: «развѣ это Жукова?» — «Жукова», отвѣчалъ Еврей съ непостижимою наглостію: «это все равно, потому–что это самый любимый его прикащикъ; вы не знаете? Онъ его держитъ *за сына...*»

Цыганъ, подсмотрѣвшій, гдѣ у еврея въ лавкѣ лежитъ выручка, подстерегъ такое время, когда тотъ былъ одинъ, да и по близости лишнихъ людей не случилось. Еврей тотъ торговалъ всякой всячиной, и всего было у него понемногу. Цыганъ отвѣдалъ пальцемъ патоки, за что разумѣется еврей его выбранилъ, но тотъ, смиряясь передъ хозяиномъ, отсчитываетъ ему деньги и проситъ отмѣрять двѣ кварты. Товаръ готовъ; но гдѣжь у цыгана посуда? Онъ снимаетъ съ себя шляпу и говоритъ: «лей сюда!» Еврей было разсмѣялся и поусомнился, но цыганъ повторилъ: «лей, чего боишься? вѣдь деньги заплочены!» Только–что жидъ налилъ полную шляпу патоки и отвернулся за ложкой, чтобы

выскрести мѣрку, какъ цыганъ съ размаху нахлобучилъ на него шляпу съ патокой по самые мочки ушей, а самъ кинулся на выручку и пустился съ нею бѣгомъ изъ лавки.

Жиду и цыгану случилось ѣхать верхомъ по одному пути. Оба они были довольны, что нашелся попутчикъ, разговорились и подружились. Цыганъ предложилъ еврею поберечь лошадей и для этого ѣхать имъ обоимъ вмѣстѣ, черезъ день, то на одной, то на другой; покуда одна подъ ними устанетъ, такъ другая отдохнетъ. Еврей согласился, и очередь началась, разумѣется съ его же клячи. Цыганъ сѣлъ впереди, жида посадилъ на забедры, а самъ сталъ по немногу подвигаться назадъ. Жидъ долго примащивался, крѣпился и держался какъ могъ, наконецъ пощупалъ позадь себя рукой, когда ужь почувствовалъ, что сталъ съѣзжать, и поймавъ вплоть за спиной своей хвостъ лошади, оглянулся и въ испугѣ закричалъ: «товарищъ, гляди, кобыла вся!!»

Проѣхавъ день этотъ кой–какъ, жидъ нашелъ однако же такую ѣзду невыгодною

для себя, а потому на другой день, когда очередь дошла до цыганской клячи, онъ поневолѣ отъ нея отказался; противу чего товарищъ его и не спорилъ, сказавъ: «это кто какъ любитъ; пожалуй, поѣдемъ одиночкой.»

Попутчикамъ досталось ночевать въ полѣ, чтобы не платить за постой да за кормъ. «Лошадей надо стеречь», сказалъ цыганъ: — «а то неровно уведутъ, либо волки съѣдятъ; постереги ты одну ночь, я отдохну, а на ту ночь я буду стеречь.» — «Ладно.» Жидъ простоялъ на часахъ до самого свѣту и только подходилъ иногда къ цыгану, услышавъ издали храпъ его, посмотрѣть на него да позавидовать, какъ онъ сладко спитъ. Пора ѣхать; жидъ похвалился исправностію своею, божился, что не смыкалъ глаза и былъ очень доволенъ, когда цыганъ, тороватый въ такомъ случаѣ на похвалу, подтвердилъ, что жидъ точно мастеръ этого дѣла и пасъ коней хорошо. На слѣдующую ночь еврей готовился отдохнуть и, стреноживъ лошадь свою, пустилъ ее, а самъ сталъ

примащиваться. Но къ удивленію своему онъ видитъ, что цыганъ мостится тутъ же, подлѣ. «Чтожь ты», вскричалъ онъ: — «развѣ забылъ?» — «А чтљ?» — «Какъ что! теперь твоя очередь пасти коней!» — «Да вѣдь у меня вороная лошадь», отвѣчалъ спокойно цыганъ: — «а ночь темна, такъ ее никто не увидитъ; у тебя бѣлая, такъ ты и береги свою».

Еврей Ааронъ Гейманъ крестился, но настаивалъ при этомъ, чтобы его назвали не иначе, какъ Александромъ, либо Алексѣемъ Григорьевымъ. Всѣ убѣжденія, что–де отчество надо придать тебѣ по крестному отцу и проч., не помогали, и еврей настоялъ на своемъ. Оказалось, что у него была старая печать, съ буквами А. Г., и что онъ желалъ зберечь ее и впредь для употребленія.

Жидёнокъ сидя на печи долго пищалъ: мама, ѣсть хочу! Еврейка моталась взадъ и впередъ, не обращая вниманія на пискъ этотъ, но наконецъ обратилась къ ребенку съ увѣщеваніемъ, чтобы онъ подождалъ; когда–де придетъ шабашъ — то есть

суббота — то будетъ всего много; тогда будетъ юшка (супъ), будутъ лапшердаки (лапша), кугли (печенье) и проч. — Пришелъ и шабашъ, дѣтямъ роздали съ утра завтракъ съ *присмачкой*, то есть съ головкой чесноку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ присмачку эту и сидя съ ломтемъ хлѣба пропищалъ плачевнымъ напѣвомъ, разъ двадцать сряду; *мамме, присмачке*.... наконецъ выведенная изъ терпѣнія жидовка обратилась къ неугомонному ребенку, топнула, закричала *цыцъ* и прибавила: развѣ я Радзивилъ, что я буду тебѣ давать по десяти присмачекъ на утро?

Цыганъ пріѣхалъ въ деревню на парѣ и, по обычаю цыганскому, тотчасъ же пустился на мѣну. Промѣнявъ одну лошадь и взявъ, разумѣется, придачи, онъ уѣхалъ. Вслѣдъ за тѣмъ наѣхали два жида, въ погоню за цыганомъ: одинъ изъ нихъ коритъ и стращаетъ другого, который во всемъ винится и проситъ пощады: дѣло въ томъ, что одинъ изъ жидовъ этихъ будто бы также вымѣнялъ у цыгана лошадь, которая оказалась краденою и принадлежащею

другому еврею. Покупщикъ и самъ не радъ барышамъ своимъ и проситъ земляка своего только объ одномъ: Богъ съ тобою, возьми и лошадь, только отпусти меня, не вводи въ такое дѣло, гдѣ можно пропасть совсѣмъ. Глядя на это, крестьянинъ, который также вымѣнялъ у цыгана лошадь, крѣпко испугался и не зналъ какъ быть, тѣмъ болѣе, что у еврея, по разсказамъ его, украли пару лошадей. Прочіе крестьяне, изъ участія къ своему брату, не утерпѣли, чтобы не спросить еврея о масти и примѣтахъ другой лошади, и вскорѣ убѣдились, что не ошибаются въ своемъ опасеніи. Но еврей, который очень хорошо зналъ, у кого во дворѣ цыганская кляча, ждалъ только случая, чтобы придраться къ чему–нибудь, а потому и придрался къ этому распросу, пошелъ къ управляющему и требовалъ, чтобы отдали лошадь его, за которою–де онъ и поѣхалъ въ погоню. Разобравъ дѣло и разсудивъ, что при такихъ обстоятельствахъ, при видимыхъ уликахъ, связываться съ жидомъ вовсе не выгодно, управляющій приказалъ тотчасъ

же отдать лошадь. Пошли; бѣдный крестьянинъ выходилъ изъ себя, проклиная и жида и цыгана, но дѣлать нечего — вывелъ лошадь. Жаль ему однако же разставаться съ нею, особенно безъ могарычей, которыхъ жидъ не даетъ; «такъ отдай же мнѣ по крайности пятиалтынный мой», сказалъ онъ: — «за прокормъ, за мѣру овса!» — И этого не даетъ жидъ. — «Ну, такъ пойдемъ же опять къ управляющему», сказалъ мужикъ рѣшительно, махнувъ рукой: — «чтль будетъ, то будетъ». Пришли: управляющій закричалъ было на мужика, но этотъ такъ удачно умѣлъ представить все сомнительное и подозрительное въ происшествіи этомъ, что управляющій призадумался. Богъ его знаетъ, кто онъ таковъ, еврей этотъ, откуда и чѣмъ промышляетъ; ни записки не принесъ съ собою отъ городничаго или другого начальства, ни свидѣтелей нѣтъ, кромѣ жида, такогожь мошенника, какъ онъ самъ... Управляющій сталъ распрашивать еврея, усомнился и велѣлъ ему обождать въ конторѣ, а товарища послать въ городъ со

старостой, для справокъ. Еврей поневолѣ согласился, но потомъ хотѣлъ бѣжать; тоже попытался сдѣлать дорогою и товарищъ его; но ихъ поймали обоихъ, и оказалось, что они давно уже разъѣзжаютъ съ цыганомъ по тремъ губерніямъ, промышляя очень выгоднымъ ремесломъ: тотъ ѣдетъ впередъ, мѣняетъ и продаетъ лошадей, а они ѣдутъ за нимъ и отбираютъ ихъ.

Жиды и цыганы, наводнявшіе югъ и западъ Россіи, и безпрерывно сталкиваясь на этомъ пространствѣ, никогда не могли быть другъ ко другу равнодушны, а между ними всегда смѣнялась вражда и тѣсная дружба, любовь и ненависть. Всякаго жида можно раздражить похвалою цыгану, всякаго цыгана можно утѣшить забавными разсказами о жидахъ. Живучи постоянно насчетъ другихъ, племена эти смотрятъ всегда съ завистію другъ на друга, какъ-будто опасаясь, что мошенничество одного отобьетъ наконецъ довѣренность къ другому, что опытъ надоумитъ легковѣрныхъ и скоро ни-кого будетъ надувать. Кажется, что опасеніе это не

основательно. И цыганъ и жидъ довольствуются малымъ, обыкновенно не знаютъ наканунѣ, что будутъ завтра ѣсть, то есть кому придется кормить ихъ, но сколько дней у Бога, столько и дураковъ. Зато еврей не рѣдко богатѣетъ, потому–что онъ предпріимчивъ, пройдошливъ, предпріятія и обороты его дѣлаются ширѣ, по мѣрѣ средствъ; цыганъ навсегда осужденъ, по нашимъ понятіямъ, къ нищенству, хотя онъ и считаетъ себя богатымъ, когда у него заведутся новые сапоги. Цыганъ никогда не посягаетъ далѣе, какъ на насущное; жидъ любитъ просторъ и довольство и, достигнувъ этого, не рѣдко бываетъ тороватъ. У жида есть убѣжденія, онъ бываетъ упоренъ и непомѣрно стоекъ, выноситъ много, если дѣло коснется этого предмета, цыганъ бываетъ гораздо мягче, отстаивать себя не любитъ и соглашается на все, лишь бы ему было что поѣсть завтра: далѣе онъ не расчитываетъ. У обоихъ нѣтъ своего отечества, оба живутъ тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, потому–что живутъ насчетъ ихъ; но у цыгана есть сильная

привязанность къ родному краю, онъ въ кочевой жизни своей часто въ него возвращается и радуется этому; еврей этого чувства, повидимому, не знаетъ вовсе, по крайней–мѣрѣ оно вполнѣ заглушается корыстью: у еврея отчизна тамъ, гдѣ онъ привился и прижился. Наконецъ, еврей фанатикъ въ вѣрѣ своей, а у цыгана ея нѣтъ вовсѣ; одинъ живетъ въ грядущемъ, считаетъ себя избранникомъ Божіимъ, чаетъ достигнуть современемъ, по минованіи искуса, всего того, чего у него нынѣ нѣтъ, даже обѣтованной отчизны, — и надежда, увѣренность въ этомъ живетъ въ немъ если не для себя, то для потомства своего; другой, напротивъ, не получивъ по преданію никакой вѣры, никакого утѣшенія и обѣтовъ для будущности, живетъ всегда только *сегодня* и готовитъ, со стоическим равнодушіемъ и беззаботностію, потомству своему, о которомъ мало думаетъ, ту же участь. У цыгана всякому преобразованію и улучшенію положенія его противится плоть, у еврея — духъ; у перваго въ дѣлѣ этомъ принимается, кромѣ плоти, нравъ и обычай

нѣкоторое участіе, — у второго, болѣе всего, свойства умственныя: тамъ сердце, здѣсь голова.

В.ДАЛЬ

———